

Н. Г. КОЗЛОВ

В небе Китая

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н • Г • К О З Л О В

В небе Китая

*Воспоминания
летчика*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1966

Автор записок «В небе Китая» Николай Григорьевич Козлов — полковник запаса, летчик-истребитель. Родился в 1907 году в городе Белгороде. В 1925 году закончил среднее образование. Работал в железнодорожном депо. В 1928 году — курсант московской авиационной школы. В первые годы службы переменял несколько авиационных специальностей: аэрофотолаборант, планирист, летчик-наблюдатель, летчик-инструктор. В 1937 году стал летчиком-истребителем одной из авиачастей ПВО Москвы.

В 1938 году Н. Г. Козлов добровольцем воевал в Китае против японских захватчиков. По возвращении из Китая учился в Военно-воздушной академии.

Н. Г. Козлов участник Великой Отечественной войны. После войны закончил курсы усовершенствования командиров авиадивизий. Служил в Германии и Венгрии. Около двух лет работал в аппарате военного атташе в Будапеште. Прослужил в авиации более двадцати пяти лет. В настоящее время живет в Симферополе.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Во второй половине 30-х годов над нашей планетой уже вспыхивали зарницы второй мировой войны — доносился рев фашистских полчищ из Германии, гром итальянских орудий из Абиссинии, выстрелы фалангистов из Испании, а на Востоке, дымя трубами, один за другим покидали порты Японии пароходы, набитые войсками и оружием. Они держали курс к китайским берегам. Имперализм, фашизм — все черные силы реакции толкали мир к войне.

Могучим утесом мира высился в этом беспокойном море Советский Союз — единственная страна социализма, строившая новое общество в тяжелых условиях капиталистического окружения. СССР вел непрерывную борьбу за мир, за предотвращение новой мировой войны, выступая в защиту угнетенных народов, в поддержку их национально-освободительной борьбы.

Наш народ, наша партия, всеми силами борясь за мир, в то же время трезво оценивали серьезность обстановки и всемерно укрепляли обороноспособность Советской страны. За годы Советской власти выросло новое поколение преданных социализму борцов, патриотов и интернационалистов, достойных преемников октябрьского племени революционеров. Именно в эти годы в далеком Токио бесстрашно действовал Рихард Зорге, а близ Мадрида, Валенсии и Барселоны русые парни-добровольцы с Волги и Урала рядом с испанцами, французами, англичанами шли в атаку на фашистов, вели свои танки и самолеты на врагов испанского народа. Мир увидел новых людей — коммунистов, интернационалистов, отдававших свою жизнь за победу правого дела.

На восточных границах нашей Родины тоже складывалась тревожная, чреватая осложнениями обстановка. Япония, захватив северо-восток Китая, создавала там плацдарм для нападения на Советский Союз. На наших границах появилась большая Квантунская армия, участились провокации, нападения на дружественную нам Монгольскую Народную Республику. Японский милитаризм рвался к господству над Азией и мечтал о мировом господстве, вынашивая бредовые планы объединения «всех восьми углов мира под одной крышей» — «Хакко-итиу».

В июле 1937 года Япония перешла к военным действиям против Китая на широком фронте; началась длительная японо-китайская война. С первых дней этой войны Советский Союз стал на сторону подвергнувшегося агрессии китайского народа. Советский народ с глубоким сочувствием и волнением следил за борьбой китайской армии против захватчиков. СССР выступал в международных организациях, требуя действенных мер пресечения японской агрессии, заявляя протесты против бомбардировок мирного населения Китая японскими самолетами. Наша страна первой стала активно помогать китайскому народу.

«После того как в 1937 году началась война против японских захватчиков, — говорил Мао Цзэ-дун на VII съезде Коммунистической партии Китая в 1945 году, — Советский Союз снова первым пришел на помощь Китаю в его борьбе против агрессора. Китайский народ выражает свою благодарность советскому правительству и советскому народу за всю эту помощь».

Факты говорят о многообразии советской помощи. Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой, заключенный 21 августа 1937 года, сыграл большую роль в укреплении международного престижа Китая и оказал ему неоценимую моральную поддержку; советско-китайский договор о торговле и мореплавании, подписанный 16 июня 1939 года, помог Китаю прорвать японскую экономическую блокаду. В Китай из СССР шли материалы, нужные для ведения войны и денежные средства в виде займов. Более того, многие советские люди, движимые чувством дружбы и симпатии к братскому китайскому народу, заявляли о своем желании отправиться на фронты сражений, чтобы помочь Китаю

разбить агрессоров. Китайское правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о помощи. Правительство СССР согласилось отправить в Китай военных советников, специалистов и летчиков-добровольцев.

В Китае об этом писали: «В то время СССР без всякой шумихи помогал китайскому народу вести освободительную войну против Японии. Через северо-запад непрерывным потоком шло оружие, бензин, грузовые машины. Сыны Советского Союза скромно и незаметно проливали свою кровь на обширных пространствах, защищая Китай. А в это время Соединенные Штаты снабжали Японию железным ломом, а Англия закрыла Юньнань-Бирманскую дорогу, удушая Китай...»*.

Советские летчики-добровольцы, среди которых был и автор этой небольшой книги, показывали образцы героизма и мужества в битве за освобождение китайского народа. Их появление в небе Китая сбило спесь с японских летчиков. Смелыми и решительными действиями советские добровольцы наносили японским военно-воздушным силам тяжелый урон и серьезно облегчили действия наземных армий, спасли тысячи граждан от гибели.

«Прибывшие в Китай советские летчики, — пишет китайский историк Пын Мин, — совершали в воздухе незабываемые подвиги: 18 февраля 1938 года в первом воздушном бою над городом Ухань было сбито 12 вражеских самолетов; 21 февраля была проведена бомбардировка Тайбэя (на острове Тайвань); 24 февраля был проведен воздушный бой над северной частью провинции Гуандун; 10 апреля — воздушный бой над городом Гуйдэ; 13 апреля во время воздушного боя над Кантоном было сбито восемь самолетов противника; 29 апреля, во втором воздушном сражении над городом Ухань, был сбит 21 самолет; 11 мая в боях над Южно-Китайским морем было сбито два самолета, потоплен один боевой корабль и повреждены два; 20 мая была совершена дальняя бомбардировка Японии; 31 мая, в третьем воздушном бою над городом Ухань, было сбито 14 самолетов, а 16 июня, во втором воздушном бою над северной частью провинции Гуандун, было сбито шесть самолетов.

* Цит. по: Чэнь Бо-да, *Чан Кай-ши — враг китайского народа*, М., 1950, стр. 120.

Одна за другой подвергались жестокому разгрому такие японские авиаэскадрильи, как „Воздушные самураи“, „Четыре короля воздуха“ „Ваки-кодзу“ и „Сасэбо“, которых японские захватчики считали непобедимыми*.

Описание многих ожесточенных битв с сильным и коварным врагом, обладавшим численным превосходством, мы найдем в воспоминаниях Н. Г. Козлова. Книга рассказывает о буднях войны, доносит до нас дыхание, ритм жизни тех дней, наполненной напряженными до предела воздушными боями. Автор передает мысли и чувства советских людей, сумевших в незнакомой для них среде, в неблагоприятных политических условиях найти свое место в борьбе и отдававших не только все свои силы и энергию, но нередко и жизнь общему делу победы над ненавистным врагом.

Да, многие советские летчики сложили свои головы на китайской земле! Более ста героев отдали жизнь за освобождение китайского народа. Среди них — командир отряда бомбардировщиков Кулишенко**, командир отряда истребителей Рахманов, упоминаемые в книге летчики Сухоруков, Опасов, Шустер, Гуров и многие другие сыны великого советского народа. Своих павших братьев, славных соколов, вступивших в схватку с японским империализмом, благодарный китайский народ похоронил на Интернациональном кладбище в Ханькоу. На скромном надгробье увековечены их славные подвиги.

Много еще боев приняли советские люди. Были бои у Хасана и Халхин-Гола, была разгромлена миллионная Квантунская армия — отборное войско империалистической Японии. Ее поражение фактически решило исход второй мировой войны на Востоке. Немало советских воинов полегли на дальневосточных границах нашей Родины, на полях северо-востока Китая в борьбе против общего врага советского и китайского народов. Наряду с крупными событиями второй мировой войны в памяти народов должны сохраняться и те страницы борьбы, ко-

торую вели советские люди в небе Китая, защищая права братского народа на свободу и независимость. Об этой борьбе просто и убедительно рассказывается в воспоминаниях летчика Н. Г. Козлова. Они будут с интересом прочитаны всеми. Они напомнят о давних, но знаменательных событиях и тем, кто усиленно старается забыть и исказить прошлое.

Р. Вяткин

* Пын Мин, *История китайско-советской дружбы*, М., 1959, стр. 211.

** Ему посвящена книга Н. Тельмана «Кули-шен, или Невыдуманная легенда» (М., 1964).

*Светлой памяти советских
летчиков-добровольцев, погиб-
ших в национально-освободи-
тельной войне китайского на-
рода против японских захват-
чиков.*

Автор

„Не забывай прошлого — оно учитель
будущего”.

(Китайская пословица)

Глава I

Снег пушистыми большими хлопьями ложился на обширное лётное поле. Временами он шел гуще, и тогда из-за снежной завесы солнце проглядывало плоским диском без лучей. Внезапно на какое-то время снегопад прекращался. Все вокруг вспыхивало и переливалось бриллиантовым блеском. Приближалась и оживала темная полоска соснового леса на горизонте, сверкали заснеженные покатые крыши ангаров. Снежинки на плоскостях самолетов в тепле луча гасли и оседали каплями влаги. Летчики сдвигали шлемы на затылки, выпускали молнии-застежки меховых комбинезонов.

Из-за леса с полигона и ближайшей зоны воздушных стрельб слышались пулеметные очереди. Где-то в высоте надсадно ревели моторы, переходя на вой форсированных мощностей, когда противники не хотели уступить друг другу: шел «бой» — сводная эскадрилья истребителей И-16 тренировалась. Лётный день оборвался выхлопом выключенного мотора последнего самолета, зарулившего на стоянку. Наступила та тишина, когда на плечи ощутимо ложится усталость.

Летчики переодевались в приангарном здании, каждый у своего шкафчика. Снимали унты, комбинезоны, шлемы. Вошел командир эскадрильи Николаенко и, рабоблачаясь на ходу, громко сказал: «Общего разбора полетов сегодня не будет. Лётное обмундирование забрать на квартиры. Завтра в шесть часов быть у административного здания в повседневной форме».

...Наступило «завтра». Заря еще не занималась. Был тот предрассветный час, когда звезды блекнут, а в небе — ожидание дня, солнца.

Мягко подкатил автобус.

— Все в сборе?

— Да.

— Поехали!

Молоденький красноармеец выскочил без шинели из пропускной будки и, ежась под утренним морозцем, распахнул ворота.

Асфальтированная дорога делила гарнизон на две части. Вот справа — столовая летчиков, за ней группа жилых корпусов; перед ними — спортивное поле, сейчас залитое под каток; гимнастический городок — лопинги, батуты, перекладыны, бум ждут тепла. Слева — детский сад с площадкой, горками, домиками. К девяти часам сюда прибежит мой старший — Сережка. А полугодовалый Санька, наверное, продолжает тарашить глазенки и чмокать губами. Он один не спал, когда, уходя, я тихо притворил дверь, не щелкнув замком. За детским садом — большое здание гарнизонного Дома Красной Армии. Дальше забор, опять ворота.

Выехали.

Послушный рулю автобус повернул налево, и справа замелькали, убегая назад, корпуса завода сельскохозяйственных машин с негаснущим заревом над плавающей металл вагранкой.

Шоссе в этот ранний утренний час было в полудреме. Тихо в автобусе. Дремали и летчики. Дремали ли? Смейжив веки, думали о принятом решении, оценивали свои возможности, пытались заглянуть в неизвестное, увидеть далекое и близкое будущее.

А колеса автобуса вели счет километрам. Дальше и дальше от такого привычного со всем его укладом гарнизонного городка, ближе к томящей неизвестности. Еще немного, и автобус, как в скалу, уперся в кованые железные ворота в стене старинной кирпичной кладки. Сборный пункт.

В тот же день состоялся разговор. Короткий разговор.

— Ваше желание помогать Китаю не встречает возражений, но подумайте еще: у вас семья, дети...

— Уже подумал. Если истребитель не ищет боя, ему нужно искать другую профессию.

Смушкевич * улыбнулся...

— Ну что ж! Тогда — добро.

...На экипировку наших добровольцев времени потребовалось немного. Уже два-три дня спустя мы щеголяли в партикулярном платье. Конечно, выглядели в нем, как пехотинец в седле, потому что все мы с юношеских лет были связаны с армией. Но это нас не смущало, только служило поводом к бесконечным шуткам и островам. Институт светского воспитания со всеми принятыми в нем условностями хорошего тона и манер работал на ходу.

Итак, дорога. Много дорог ведет в Москву: железных, шоссейных, грунтовых. Летчикам-истребителям противозвоздушной обороны столицы они известны со всеми подробностями, во всех деталях; запечатлены в памяти, как на фотографической пластинке, в радиусе досягаемости их самолета. Но еще больше дорог, не нанесенных на самую подробную карту, не поддающихся графическому изображению, ведет к Москве и уходит от Москвы.

Пути-дороги! Мартовскими днями 1938 года одна из таких дорог привела нас на юго-восточную окраину страны — к подножию Тянь-Шаня, границам Китая. Здесь

* Я. В. Смушкевич — тогда командующий Военно-Воздушными Силами СССР.

весна. Шумят арыки. Цветут сады. На вершинах гор — белые шапки вечных снегов.

Прекрасна ты, Земля! А мир лихорадит. Муссолини захватил Абиссинию. Трагедия Аддис-Абебы. Республиканская Испания изнемогает в борьбе с мятежниками, вернее, с итало-германскими интервентами. Там плечом к плечу с республиканцами героически сражаются на земле и в воздухе добровольцы-интернационалисты. Гитлер готов не сегодня-завтра проглотить Австрию. Ось Берлин — Рим сомкнула свои концы в Токио и обратилась в треугольник. Теперь осуществляется план Танака: Япония захватывает Китай. Военные очаги! На Западе, на Востоке. Кто знает, как далек мировой пожар?

И мы — в этом неумолимом движении времени и событий.

Трудно коротать время, когда стремишься к цели. Но вот наконец вылет. Немногим более часа в воздухе. Посадка. Самолет замедляет бег. Китайская земля.

...Зеленый городок в верховье реки Или затерялся в отрогах Тянь-Шаня, в самой западной и самой большой по территории провинции Китая — Синьцзяне.

Общая достопримечательность всех городов Центральной Азии не только древние исторические памятники или пути, по которым прошли Тимур или Чингисхан со своими воинами, но и базары.

Разноязычие, звон бубенцов, резкие звуки музыкальных инструментов, выкрики торговцев и покупателей — базар. Делать нам здесь было нечего, и мы потратили время до вечера на общее знакомство с городом, с его бедными узкими улочками, среди которых оазисами стояли в зацветающих садах дома местных богачей.

В свой приют на окраине города возвращались уже в сумерки. Кажется, был воскресный день. На мосту через Или играла русская гармонь. Слышались русские песни, русская речь и цветистая ругань. Кто они — эти русские? Это белогвардейцы, бежавшие на чужбину в гражданскую войну, есть и кулаки, последовавшие их примеру в конце 20 — начале 30-х годов, и их молодежь.

...Ужинали при свечах. Говорили о предстоящей работе. Небольшого роста, юркий, подвижной летчик Николай Матвеев, манерно ползущаясь ножом, вилкой и, следуя инструкции не употреблять за границей обращения «товарищ», вступил в разговор:

— Господа! Мне хочется сказать... «Господа», как внезапный выстрел резануло ухо.

Даже в шутку, и то неприятно. Господа, слуги! Мистер, бой! Позже, уже в Центральном Китае, нам пришлось быть свидетелями отношений людей, стоявших на разных ступеньках общественной лестницы худо устроенного мира.

Один мистер, раздеваясь на ночь, сунул куда-то часы. Утром обвинил боя в пропаже. А через некоторое время через холл отеля, где находились и мы, протащили избитого в кровь боя. В тот же день мистер обнаружил часы в своем костюме.

Но это было потом. А сейчас под впечатлением брошенного не к месту забытого слова «господа» думалось о пути, обильно политом и поливаемом кровью, о пути к всемирному братству людей.

В полутьме ярче вспыхивали огоньки папирос при глубоких затяжках, и под низким потолком висел клубами табачный дым.

...Дальше наш путь лежал на Урумчи — центр провинции Синьцзян. Затем Хамй и, наконец, Ланьчжоу.

Если господь-бог и покарал библейского Хама рабским трудом на братьев Сима и Иафета, то не подумался поселить его в Хамй. Безводная пустыня — глазом не окинешь. Пекло. Мельчайшая пыль поднимается до трех-четырёх тысяч метров при взлете и посадке самолета, стоит столбом и оседает очень медленно. Поэтому очередная посадка — в Ланьчжоу была райским блаженством.

Ланьчжоу втиснулся между рекой Хуанхэ и Великой китайской стеной. Улицы раскинулись по высокогорному плато, окаймленному с востока и юга высоченными горами Куэнь-Луня. Аэродром — на западной окраине.

Метеорологические условия задержали нас здесь на несколько дней. Слоняться по шумным и грязным улицам города не доставляло удовольствия. Как-то сидели на садовой скамье перед домом, в котором остановились. К соседнему дому на рысях подкатил рикша. Из коляски вышел важный китаец и прошествовал в здание. Человек-лошадь прислонился к одиноко стоявшему дереву, отдыхая, глядя куда-то вдаль. Костя Опасов, рослый светловолосый парень с голубыми глазами, скользнул

взглядом по всей нашей компании и вразвалку направился к рикше. О чем и как он объяснялся с китайцем, уловить было трудно. Но вот Костя уже в легоньких оглоблях коляски мелкой рысцой подкатывает к нам. Охотники прокатиться нашлись тут же.

Костя обегал вокруг большой клумбы с важничающим седоком в коляске, останавливался, церемонно раскланивался, подражая рикшам, благодарил седока за мелочь, брошенную в его шляпу. Рикша у дерева исходил смехом, хватался за живот, сгибался, приседал, и не похоже было, что это тот самый усталый труженик, который, передыхая, только что бездумно смотрел в пространство.

Когда ему подкатили коляску с лежавшим на сиденье сбором, он был очень смущен.

...Который уже день духи гор не пускали нас в свои владения, укрыв их сплошными плотными облаками. А плато и город залиты солнцем. Досадно ждать. Наконец, пользуясь просветами и отдельными прояснениями, мы проникли в долину реки Вэйхэ. Ущелье и река вывели нас к городу Сиань. Широкий речной разлив, джонки рыбаков на воде. Тепло, пасмурно. В воздухе влажно: чувствуется влияние далекого океана. Ночевка. Завтра будем на месте.

...Горные хребты преодолены. Клубящиеся по вершинам тучи и глубокие ущелья остались позади. Под нами — могучая, полноводная Янцзыцзян. Вот и Ханькоу. Весеннее, теплое дыхание субтропиков и уже видимые следы войны на земле. С воздуха по окраинам аэродрома просматриваются разорванные кольца капониров — насыпей, предохраняющих самолеты от поражения осколками бомб. Посадка. Хорошо размять ноги на травянистом ковре летного поля.

Terra incognita!

Тем более приятна была неожиданная встреча.

— Здравствуйте!

— А ты откуда взялся?

— Из тех же мест.

Он был старше меня и по возрасту и по служебному положению. Скрестились наши авиационные дороги несколько лет назад в стенах *Alma mater* многих известных и неизвестных летчиков — в Качинской авиационной школе. Жигарев был в школе начальником штаба.

В июльский душный вечер на скамейке в скверике у гарнизонного клуба сидели двое. Чахлые струйки фонтана не освежали накаленного крымского воздуха. Жигарев тогда собирался уезжать. Совмещая работу с учением, он стал летчиком. Я же еще добивался этого. Об этом и говорили мы в скверике у гарнизонного клуба.

Сейчас встреча была неожиданной.

— Так, значит, драться?

— Драться, Павел Федорович!

— Желаю удачи. Ни пуха ни пера!

И зашагал к другим самолетам.

Боевой состав китайской авиации к началу войны с японцами был малочисленным. Империалистическая Япония обрушилась на полуколониальный Китай, используя всю мощь развитой промышленности и военной машины. Такие фирмы, как «Мицубиси» и другие, выпускали вполне современные самолеты. Военно-воздушные силы Японии располагали в достатке хорошо подготовленными кадрами.

Авиация Китая была, что называется, «с бору по сосенке»: старье, снятое с вооружения в разных капиталистических странах и проданное Китаю. Летчиков готовили также где-нибудь и как-нибудь. Поэтому помощь Советского Союза Китаю в борьбе с агрессором была весьма ощутимой. Давалось все самое современное, самое лучшее. А в боях ковалось и крепло содружество китайских и советских летчиков.

Была тогда одна истребительная группа, о которой сохранились самые светлые воспоминания. Звали ее Сиоганьская, по месту формирования. Летчики в ней отличались чувством высокого патриотического долга, беззаветной преданностью родине, прогрессивными взглядами. В первые дни войны группа приняла на свои плечи тяжесть воздушных боев, многих потеряла, но, пополняясь, продолжала драться.

Не обошлось дело и без летчиков-гастролеров — бизнесменов из капиталистического мира Европы и Америки. Правда, это были единицы, и они сами поспешили убраться: бои тяжелые, риск большой, а тут еще эти смешные русские, которые не принимают вознаграждения за сбитые самолеты.

Возможно, был там и американец — долговязый Джон, охотник за золотишком, о котором так хорошо

рассказал Борис Смирнов в книге «Испанский ветер»*. Мы таких не видали и желания видеть не имели.

Из Ханькоу на своей «ласточке» — так в Китае называли наш И-16 — в составе группы я перелетел в Наньчан. Этот город знал и помнил генерала Га-Лина (так называли Блюхера) по Северному походу, летчика Сергеева, помогавшего Национально-революционной Армии.

Теперь, двенадцать лет спустя, Наньчан служил основной базой истребительной авиации Китая. Здесь были два аэродрома: малый и большой фэйцзичан.

Малый аэродром в большей своей части был заболочен, а полоса жесткого покрытия ограничена. Сидели там «чижи» — И-15-бис. Вечером в литише**, где мы жили, Костя Опасов предложил мне и Жене Владимирову:

— Знаете что, ребята, перейдем на «чижи», а? Скоростенка, правда, маловата, да зато четыре пулемета и все бьют кучно — через винт. С уборкой и выпуском шасси тоже не придется путаться, как на «ласточках». Идет?

С нашей стороны возражений не последовало.

— Тогда ты, Николай, будешь у меня справа, а Женья походит левым ведомым. Насчет машин я уже договорился. Завтра будем в дежурстве на малом фэйцзичане.

Так из «ласточек» сформировалось звено «чижей».

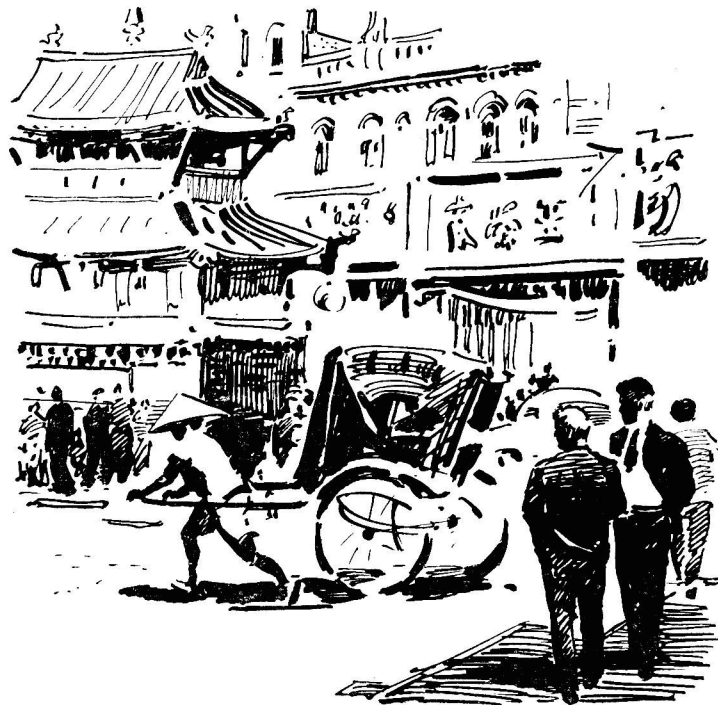
Фронт далеко. Сеть постов ВНОС*** заблаговременно оповещала о пролете противника. Дежурные поэтому в готовности номер два близ самолетов. Огромный банан недалеко от стоянки укрывал летчиков от палящих лучей солнца. В кабины садились по сигналу тревоги. Вылетали по ракете. Противник активности не проявлял. Отдельные вылеты на перехват разведывательных самолетов противника и тренировочные «бои» между собой не утомляли.

Но вот разведка донесла, что японцы готовят удар по Ханькоу. В тот же день в коротких апрельских сумерках наши самолеты звеньями и группами приземлялись на знакомом аэродроме этого города.

* Борис Смирнов, *Испанский ветер*, М., 1963, стр. 144.

** Литише — несколько искаженное «Ли чжи шэ» («Общество подъема духа») — офицерские клубы в гоминьдановском Китае.

*** Воздушное наблюдение, оповещение и связь.

Глава 2

Брезжил рассвет 29 апреля 1938 года. Из капониров по границам лётного поля слышался рев прогреваемых моторов; небо полосовали огоньки трассирующих пуль у проверяемых пулеметов.

Посты ВНОС сообщили о пролете большой группы бомбардировщиков в сопровождении истребителей курсом на Ханькоу.

— По самолетам!

Взлет, сбор, набор высоты. Идем на сближение.

...Армадой, монолитной массой, в плотном строю клина девяток идут бомбардировщики противника. В сторо-

не и выше поблескивают боками с красными кругами на плоскостях хищные, как акулы, истребители. Часть наших сил устремляется навстречу истребителям и связывает их боем. Основная масса обрушивается на бомбардировщики.

Скрестились огненные трассы. Мелькают перед глазами атакующие и выходящие из атак самолеты. Уже языки пламени лижут борта некоторых бомбардировщиков. Но с самурайским упорством противник еще пытается пробиться к цели.

Вываливаются из строя сбитые, в беспорядочном падении устремляясь к земле. Их места занимают другие, прижимаясь плотнее друг к другу, огрызаются изо всех пулеметов.

Надо отдать должное: выучка у экипажей противника высокая — чувствуется закалка отборных офицерских кадров. Горит, а идет за ведущим крыло в крыло, и, пока не истреблен экипаж, самолет управляем и не перестает сыпать пулеметные очереди.

Но вот строй становится все реже. Бессмысленность упорства очевидна. Ведущая девятка — уже не девятка — разворачивается на восток и уходит, побросав бомбы где придется. За ней другие, кто еще в состоянии лететь. Ни одного облачка парашюта не отделилось от сбитых самолетов.

Бой с истребителями тоже закончился. После посадки стало известно, что из 36 бомбардировщиков на восток прошло 15. Другие остались лежать под Ханькоу разбросанными кучками металла.

В схватке с истребителями погиб молодой летчик Шустер. При атаке противника в упор не рассчитал выхода из атаки и столкнулся с японцем. Да еще вынужденно села с убранными шасси на небольшом песчаном островке реки Янцзы подбитая «ласточка» Гриши Кравченко.

...На этот раз в Ханькоу мы задержались на более продолжительный срок. Ночных вылетов тогда не производили, вечерами имели свободное время и, конечно, посвящали его ознакомлению с необычной для нас жизнью и бытом большого китайского города.

Европейская незначительная часть города прижалась к набережной Янцзы. Здесь располагались торговые фирмы, дипломатические представительства, бога-

тые особняки, рестораны, дансинги, кино. Улицы носили названия английские, французские, немецкие, русские. У причалов грузились и разгружались океанские суда. Полноводная, широкая и глубокая Янцзы связывала Ханькоу с океанскими просторами. В порту и на улицах звучала иностранная речь — преимущественно английская, реже немецкая, французская и довольно часто русская. Здесь было много русских белоэмигрантов. Они населяли несколько улиц. Занимались торговлей, ремеслами, содержали увеселительные заведения низкопробного свойства, лавировали между коренным населением и западными иностранцами, предпочитали селиться с европейцами и вносили китайский колорит в свой язык. Запомнилась у одного дома вывеска: «Военный и статский портной Та-Синь». На улицах было чисто и тихо. Порядок поддерживался изрядным количеством бобби — полицейских. В часы воздушных тревог сюда сбегалось население соседних кварталов: японцы не бросали бомб на эту часть города.

Другую картину представлял район железнодорожного вокзала, населенный беднотой. Здесь после бомбардировок завывали сирены пожарных и санитарных машин, бегали люди с санитарными носилками, лилась кровь.

А между этими двумя районами расположился собственно центр города с его шумом, гамом, улицами, переполненными людьми, машинами, магазинами.

Беспорядочный поток рикш, всевозможных экипажей, пешеходов регулировался на перекрестках величественными полицейскими, которые иной раз бесцеремонно прохаживались жезлом власти по спинам зазевавшихся рикш и непрезентабельно одетых прохожих.

Чистота, санитария, приличия были примитивны. Вот узкий тротуар. По нему снуют люди. У каменной стены — желобок. Человек в длинном черном халате поверх синей рубашки и брюк поворачивается лицом к стене, отбрасывает полу халата и стоит, не обращая внимания на прохожих.

И в этом же городе фешенебельные отели с полным сервисом, удобствами для европейцев.

Бреет китаец европейца, усадив клиента в специальное мягкое кресло. Сверкают зеркала. Бой методично и плавно раскачивает опахало. Жарко!

Китайская беднота располагается на тротуаре, в уличной пыли, на табуретках. Головы намыливают из общего медного таза, и оперирует цирюльник ножом, напинающим тот, которым режут поросят.

Бесконечно тянутся магазины, лавки, лавчонки. Покупателя встречают на пороге традиционной чашечкой горячего зеленого чая. Хозяин занимает покупателя разговором, пока тот отдыхает, сидя у прилавка.

По улицам вразнос продают лакомство — очищенный и нарезанный палочками сахарный тростник.

— Довольно! Пойдем в кино?

— Пошли.

В зрительный зал входят и выходят во время сеанса. В зале разговаривают и курят. На экране мелькают кадры стандартного американского боевика с выстрелами, сногшибательными трюками.

Впечатление такое, что помещение разгорожено невидимой стеной и две жизни текут вне всякой связи: на экране — одна, в тусклом полумраке зала — другая.

Сели на свободные места за барьером.

Рядом оказались две молодые девушки. Опершись о барьер, они тихо говорили по-русски. Услышав нашу русскую речь, быстро с любопытством обернулись. Беседа стала общей. Это были не журналистки, не туристки, не переводчицы, не сотрудницы посольства или торговых представительств.

— Почему вы не смотрите фильм?

— А... все одно и то же. Надоело.

— А советские фильмы вам приходилось видеть?

— Да. Но очень мало.

— Какие же видели?

— «Веселые ребята», «Цирк».

— Понравились?

— Очень! Особенно «Цирк».

— Вы давно уже в Китае? По родине не скучаете?

— Мы не знаем родины. Нас привезли сюда маленькими.

В наступившем тягостном молчании, под треск киноаппарата, приглушенный шум зала, мелькание кадров на экране в этом «Мы не знаем родины» долго еще звучала надрывной струной глубокая душевная боль.

После сеанса мы немного проводили девушек по набережной, а потом нас разделила ночь и жизнь.

...Вскоре мы оказались опять в Наньчане — на нашей основной базе. Рассветы встречаем в дежурстве. Выезжаем на аэродром затемно. В тени банана коротаем время. Изредка бывают вылеты. В установленный для обеда час раздается привычное:

— Мистер! Чифань, чифань. Тимбо * мэю! (Кушать, кушать. Тревоги нет!).

Это китаец-кормилец привез из литише обед.

Но скоро место ночевки пришлось переменить. Приближалось полнолуние, в ночном небе стали появляться силуэты японских бомбардировщиков одиночно и звеньями. Нащупывали места стоянок наших самолетов, бросали бомбы на аэродромные сооружения, посадочную полосу. Мы вечерами улетали на ночевку на запасные площадки.

В одну из ночей погиб наш красавец-банан. На месте, где он рос, зияла воронка от шестисотки **.

Больше всех был опечален гибелью банана и взбешен хамством самураев Альфонс Шиминас. Родом он был из Прибалтики, но походил на француза. С маленькими усиками, подвижной, жестикулирующей, говорун и заядлый спорщик, он даже и говорил как-то в нос. Ввязывался в спор по любому поводу и на любую тему, будь то искусство, литература, медицина или техника. Он развязывал свой мешок неопровержимых доводов, доказательств; охотники его послушать ловили только короткие паузы, чтобы подлить масла в огонь. Читал он, по-видимому, много и, как говорят, носил энциклопедию за пазухой.

Когда он доходил до предельного накала, кто-нибудь его добивал:

— А в этом ты, Альфонс, все-таки неправ.

Шиминас взрывался и с «Идите к черту!» вылетал из банановой тени, на ходу сбрасывая комбинезон.

В трусиках, с завязанной узлом на животе шелковой рубашкой (не замочить!), с пистолетом в руке Альфонс скрадывал «зверя» по заболоченным дренажным канавам. Останавливался, приседал, замирал... Выстрел! Что-то подбирал. Минут через тридцать-сорок он возвра-

* Тревога по-китайски «цзинбао». Транскрипция автора отражает произношение этого слова на местном диалекте.

** Калибр бомбы — 600 кг.

щался под банан умиротворенный, держа в левой руке за лапки несколько лупоглазых лягушек.

— А теперь банана нет!

Альфонс был молчалив, сосредоточен. Что-то чертит в блокноте и на попытки «завести» его, отвечает междометиями: «А!.. Ага!.. Угу!..»

* * *

И все-таки он своего добился: командир разрешил ему вылет в ночную охоту.

...Полная луна катилась по китайскому небосклону равнодушным, холодным наблюдателем. Маленький «чиж» усмотрел цель и пошел на сближение. Б-93 плыл в спокойном ночном воздухе. Вот он стал удобно: моторами к луне, хвостом к истребителю. Ближе, ближе. Шиминас взял небольшое принижение по отношению к бомбардировщику, вписал в окуляр оптического прицела отчетливый силуэт на серебряном диске и, сколько позволяли деления тысячных дистанций, чтобы не столкнуться, подошел еще. Выжал гашетки. Длинная очередь из четырех пулеметов. Губы прошептали:

— Это вам за банан, чертовы самураи.

...Деревушка Коань — место нашей ночевки — раскинулась на пригорке, прячась в бамбуковой роще. Ниже расстилалась пойма реки. Большой луг. Сюда и селись самолеты.

Меня встречали мои приятельницы: девочки-китаянки. Белый двузначный номер на фюзеляже они восприняли и запомнили, как иероглиф. Присев на корточки, ждали, пока зарулю и выключу мотор. Я не люблю шоколад, но в планшете у меня постоянно были одна-две плитки. Этот «бортовой паек» регулярно уничтожался не без удовольствия моими приятельницами.

Вылезать из самолета не хотелось. Во всем теле чувствовалась какая-то усталость и озноб. Над лугом в черном небе качался в ранверсмане*, как на качелях — вверх-вниз, вверх-вниз, запоздавший на ночевку «чиж». Это Валя Додонов делал разминку.

Младшая, более бойкая девочка подбежала ко мне. Застрекотала, залопотала, показывая на самолет в воз-

духе и на себя. Наконец понял. Она просит покатасть ее на самолете.

Как умел, объяснил, что самолет одноместный и этого сделать нельзя. Грустное выражение с мордашки согнала плитка шоколада.

...Утром боль разламывала голову, но оставаться здесь не хотелось. Вылетел.

Сел на большом фэйцзичане: на малом ремонтировали полосу. Зарулил на стоянку. Положив голову на парашют, задремал под крылом. Проснулся в наньчанском госпитале «Красного креста». У кровати стояла белоснежная сестра — молодая китаянка, держала в руке термометр и что-то говорила. Взял из ее рук термометр. Засунул под левую руку. Но тут последовала агрессия: сестра выхватила термометр, звонко рассмеялась и, когда в ответной улыбке я растянул рот до ушей, мгновенно положила термометр мне под язык. С недоумением кладу градусник вновь под мышку. Как долго это продолжалось бы, не знаю. Но раздался мужской голос: «Не сопротивляйся. Она делает по-своему. Термометр здесь ставят под язык». — В комнату, прихрамывая, входит летчик Кукушкин. Он был ранен, находился на излечении и госпитальные порядки уже изучил.

Тропическая лихорадка отпустила меня через неделю.

Это было кстати: по агентурным данным, японцы готовили реванш за разгром над Ханькоу.

* Ранверсман — фигура пилотажа.

Глава 3

Перелетели в Ханькоу. Утро 31 мая выдалось ясным, солнечным. К восьми часам завтрак, доставленный на аэродром, съеден. Летчики, покуривая американские сигареты «Camel» («Верблюды»), отдыхали в плетеных креслах.

Но вот сообщение постов: противник в направлении Ханькоу. Разошлись по самолетам.

Тревога! Взлетели, собрались. Курс на восток с набором высоты. Идем двумя группами. «Ласточки» справа и выше, «чижи» — слева и ниже.

В пятнадцати-двадцати километрах восточнее аэродрома встреча. Большая группа истребителей И-96. Свер-

кая в лучах солнца, посыпались подвесные бачки*. Японцы пошли в атаку. Одно звено почему-то осталось на высоте.

Я прижался к ведущему, повторяя его маневр. Перед глазами мелькнул белый хвост, плоскости с красными кругами. Костя Опасов на полной мощности преследовал круто уходящего вверх японца. Сблизился с ним и выпустил пулеметную очередь. Взгляд назад, и... правым ранверсманом уношу свой хвост от атаки незаметно присосавшегося японца. Атакованный Опасовым, падая, оказался подо мной прямо в прицеле. Пальцы рефлективно выжали гашетки без нужды к этому; языки пламени уже лизали борта сбитого. Второй японец продолжал преследовать моего «чижа». Правый глубокий вираж; вынужденная «карусель» друг за другом.

В стороне «ласточки» вели бой на вертикальном маневре. В отвесном пикировании сваливались на японцев, находившихся ниже: свечой взмывали вверх, ведя огонь в момент, когда уходящий японец зависал на моторе в полупетле, вверх колесами: выбирал, в какую сторону выкрутить машину.

Преимущество атаки первыми, со стороны солнца, японцы уже потеряли. Активность перешла в руки китайских истребителей. Бой рассыпался на отдельные очаги, переходил в одиночные схватки и угасал.

Мой японец тоже бросил меня. Пользуясь преимуществом в скорости, уходил на восток.

Ниже два «чижа» пытались «взять в клещи» И-96. Он уходил. Мелькнула мысль: использую свою высоту — не догоню, так хоть постреляю. Намеренно задержанная длинная очередь с большой дистанции. Сноп трасс ложится вокруг самолета.

Поддействовало: боевым разворотом японец вышел в лобовую атаку. Сзади его подхватила подоспевшая пара «чижей», и самолет, вяло переваливаясь с крыла на крыло, падает неуправляемый.

Схватка истребителей закончилась.

Самолеты садились, разруливали по стоянкам. Пустовала одна: Антона Губенко. Что произошло? Где он? Нарастала тревога. Собрались у его капонира. Томи-

* Для увеличения дальности полета истребителей японцы брали бензин в подвесные бачки, которые перед боем сбрасывали.

лись. Ждали. Не верили, что его могли сбить — опытного летчика и виртуоза пилотажа. Один из люберчан* вспомнил случай трехлетней давности и явно для того, чтобы нарушить тягостное молчание, повел рассказ:

— Антон увлекался парашютизмом. Много прыгал сам, тренировал летчиков. Вздумал прыгать ночью. Ночь темная, только звезды блещут. Антон прыгает, конечно, первым. В тишине отчетливо слышен сильный хлопок раскрывшегося парашюта. Мчимся на машине к месту вероятного приземления. Нету. Вправо, влево. Нету! Куда делся? Искать надо. Разошлись по полю. Окликаем: Антон! Антон! Где ты? Уже волнуемся. Гляжу: чуть впереди полусогнутая фигура. Показалась знакомой. Высокую траву руками раздвигает, покрикивает.

— Антон! Антон! Где ты?

Пригляделся. Еще сомневаюсь, спрашиваю:

— Антон, это ты?

— А кто же? Конечно, я!

— Какого же ты черта нам голову морочишь?

— А чтоб не спали. Ночь еще впереди...

— «Ласточка!» — крикнул кто-то, прерывая рассказчика.

К аэродрому шел самолет. Он! Сел, зарулил. Выключил мотор, выскочил из кабины — и к винту. Бурчит что-то под нос, осматривает лопасти.

Ни к кому не обращаясь, бросил:

— Менять придется.

— Антон! Ты что — в джунглях был? Бамбук рубил? — как бы продолжая рассказ, спросил тот же люберчанин.

— Да вроде этого.

— А серьезно?

— А серьезно, понимаешь, произошло это, как говорят, под занавес. Увязался за одним. Догнал. Пык! Пык! Пулеметы молчат. Пристроился к нему справа крыло в крыло. Недвусмысленно показываю назад, на аэродром. Ноль внимания. Что делать? А, была-не была! Срублю и выпрыгну. Прибавил газ. Винтом по крылу. Встряхнуло, как на столб наткнулся. Смотрю — штопорит. С крыла у него шмотья летят. Дал полный газ, разворот, «Ласточка» слушается...

* Летчик из люберецкого авиагарнизона.

— Антон! Антон! Где ты? — раздался чей-то голос. Взрывом грохнул смех. Губенко стрельнул глазами по лицам:

— Ну, это ты брось. Об этом я уже забыл.

...Мимо прошла машина. Во весь борт красный транспарант с белыми буквами: «Вкусная еда способствует хорошему настроению и боевому духу». Это китайцы сделали для нас. Летчики пошли обедать.

* * *

Вечером был разбор. Японцы, учтя тяжелый опыт боя 29 апреля, изменили тактику: выслали вперед сильную группу истребителей, но, встретив крепкий заслон, поспешно вышли из боя, потеряв сбитыми семь самолетов.

Звено И-96, не вступавшее в бой, возвратилось к бомбардировщикам, и они ушли. Наземные посты наблюдения подтвердили таран.

В истории авиации это был второй после известного тарана Нестерова, причем с благополучным исходом для атакующего. Этот таран был выполнен в небе Китая советским летчиком-добровольцем. Вскоре на замшевой курточке Антона Губенко появилось изображение орла в полете: знак доблести и героизма.

...На другой день мне пришлось слетать на разведку. Поступали разноречивые сведения о пролете одиночных самолетов противника.

Видимость была отличная. Высота беспредельная. На средних высотах — ничего примечательного. Полез выше. Пять, шесть тысяч метров. Дышится легко, но хочется вдохнуть побольше воздуха. Высота семь тысяч метров — зафиксировала стрелка высотомера. Почему так хочется спать? И стрелки часов стоят... Очнулся. Горизонт вращался слева направо: «чиж» падал штопором. Машинально прекратив вращение, я вывел самолет в горизонтальное положение. Высотомер показал три тысячи метров. М... да!

На земле никому об этом не сказал. И так после тропической лихорадки по моему адресу острили: «Где тот летчик, который завтра умрет?».

Пока самолет заправляли бензином, я глазел по сторонам. Довольный жизнью, размышлял о том, как она, эта самая жизнь, иной раз висит на волоске из-за соб-

ственной глупости: не желторотый, а полез на семь тысяч метров без кислорода.

А вот, кажется, что-то интересное.

К капонирам катили две легковые машины. Из первой вышел китаец лет за пятьдесят, худощавый, среднего роста с бегающими глазками и желчным лицом. В полувоенной одежде — френч, сапоги.

За ним сопровождающие. Поодаль стояла китаянка средних лет в европейско-китайском платье. Китаец посмотрел по сторонам, бросил через плечо сопровождавшим несколько отрывистых фраз, повернулся и пошел к машинам. Чан Кай-ши.

Чан Кай-ши! Зачем он здесь? Что его интересует на аэродроме? Симпатий к нам, советским летчикам, он не питал. Может быть, хочет выразить свое неудовольствие нашей работой, как это уже было им сделано в Нанкине, когда первая, небольшая группа добровольцев до изнеможения отражала налеты японских бомбардировщиков, многократное превосходство которых позволяло им прорываться к цели? Нет! С нашим прилетом Ханькоу прикрыт от бомбардировщиков надежно.

Трудно воевать, когда «единый фронт» не един. Путаешься в ногах чанкайшистский гоминьдан; больше того, наносит урон и с фронта и с тыла.

Чан Кай-ши — компрадор, купец. Вся политическая деятельность — средство к обогащению. Ориентация — американская. Самая большая опасность — победа революции в Китае.

В политической, дипломатической деятельности ему активно помогала жена Сун Мэй-лин, младшая из трех сестер Сун, известных миру. Она получила образование в Америке, знала европейские языки, была сведуща в авиации, поддерживала переписку и близкие отношения с Анной-Луизой Стронг — американской видной журналисткой. Стронг продолжительное время жила в Китае в 20-х годах, находилась здесь и теперь. Сейчас Сун Мэй-лин на аэродроме вместе с Чан Кай-ши.

...В воздухе появились знакомые очертания скоростных бомбардировщиков — СБ. Они заходили на посадку, садились один за другим. Их пилотировали тоже советские летчики-добровольцы. Они возвратились с боевого задания: бомбардировали переправу на реке Хуанхэ и войска у города Кайфын. Там японцы, уже в третьем

«генеральном» наступлении, добились успеха: вышли на линию Кайфын — Сюйчжоу и соединили таким образом свои северный и центральный фронты.

Теперь понятно, почему Чан Кай-ши здесь. Он хочет знать обстановку на фронте из первых рук. Желание естественное, если бы оно не побуждалось свойствами его натуры: ни в чем никогда никому не верить; во всем всех подозревать, плести сети интриг и тайных замыслов.

Из ведущего самолета вылез летчик, худой и длинный, как жердь, с угловатыми движениями. Общим обликом он напоминал Петра Первого в описании А. Н. Толстого. Так его летчики между собой и звали — «Петр Первый». Это был Тимофей Тимофеевич Хрюкин. Позже, в Отечественную войну, он командовал 8-й воздушной армией.

На бомбардировщиках СБ летали и китайские летчики, обученные советскими инструкторами. Взаимодействовали мы со своими соратниками-бомбардировщиками не часто, но некоторые важные задания выполняли совместно. Тогда мы встречались в воздухе и при особо успешных вылетах — на банкетах.

Банкеты в Китае приняты. На эти банкеты приглашались гости: чиновники местной администрации и дамы. Однажды после удачного вылета бомбардировщиков с истребителями — на Янцзы у Нанкина потопили несколько канонерок и барж с войсками — в литише Наньчана был устроен такой банкет-ужин.

В этот раз моей соседкой за столом оказалась молодая китаянка в платье по последней парижской моде. Говорила она по-французски свободно. Мне пришлось извлекать из арсенала памяти уцелевшие слова, обороты, отдельные фразы и так поддерживать «светский» разговор. На вопрос, как меня зовут, назвал первое пришедшее в голову украинское слово — Левада. Она тут же расчленила его на китайский манер «Ле-ва-да» и нашла, что это очень мило. Подумал: мило, если это только пустое любопытство. И вспомнилось. В Ханькоу иногда можно было увидеть молодую, лет тридцати, красивую женщину, с золотистой копной волос. Звалась она Сокольской. Была женой семидесятилетнего португальского посланника и, как говорили, проявляла нездоровый интерес к добровольцам-летчикам.

Белогвардейские эмигранты под видом «соотечественников на чужбине» искали сближения с нами, приглашали в свои клубы, библиотеки, но эти «невинные» приглашения мы отклоняли.

Как вас зовут? И «мистер Левада» было сохранено для общения с внешним, не своим кругом лиц.

Тосты следовали за тостами. Захар Плотников, сидевший за столом визави, ушел спать. За окнами в саду бушевала гроза, сверкали молнии, ветер раскачивал деревья, хлестал тропический ливень.

...Утром до завтрака все собрались в холле. Ни у кого ни на голове, ни в руках не было шляп. Переговаривались:

— Ты не видел моей шляпы?

— Да я и своей не найду.

— Куда она могла запропасться?

Помалкивал один Захар. В это время в дверях появился китаец-садовник. Вид у него был обескураженный, смущенный. В обеих его руках как связка рыб у рыбака или охотничьи трофеи у охотника, были наши шляпы. Но в каком виде?! Извалянные, мокрые, в песке! Обращаясь к нам, китаец повторял всего два слова:

— Мистер! Лимо (шляпа)!

Нам стало смешно. Все поняли, что это проделки Захара. Он давно уже иронически присматривался к нашему «джентльменскому» виду, не мог никак привыкнуть к нему, а вечером, уйдя с банкета пораньше, выбросил наши шляпы за окно. После этого многие перешли на береты, практичные и удобные при нашей работе.

В этом же клубе иногда бывало кино. Здесь на киносеансе произошла встреча с соотечественницей нашего поколения.

В Наньчане жила семья сына Чан Кай-ши. Командующий Национально-освободительной армией Кантонского правительства Чан Кай-ши в апреле 1927 года произвел контрреволюционный переворот и фактически отдал Китай в руки милитаристов. Сын его в ту пору учился в Советском Союзе, где-то в Свердловске. Он публично в печати осудил контрреволюционную деятельность отца и порвал с ним отношения. Поверила его заявлению общественность, поверила ему и русская девушка с Урала.

Сейчас она ждала киносеанса. Рядом — два русого-

ловых мальчика восьми-девяти лет с косым разрезом глаз и оливковым цветом лица.

Услышав русскую речь, она охотно вступила в разговор. Разговаривали обо всем и ни о чем. Чувствовалось, что собеседница просто упивается звуками родной речи. Говорили о природе Китая, тропической растительности, бамбуковых рощах. Кто-то вспомнил Уральские горы и сосны. По ее лицу пробежала тень. Сорвалась фраза:

— Что вспоминать далекое, невозвратимое! Видите? Двое бегают. Куда от них теперь денешься?

...В зале погас свет. На экране замелькали кадры.

Глава 4

Июнь. Участились налеты японцев на Кантон. Истребительная группа на юге была малочисленной и не могла эффективно противодействовать противнику. Поэтому было решено усилить кантонскую группу. Нам предстояло перелететь в Кантон и нанести штурмовой удар по аэродрому на одном из островков близ португальского порта Макао.

Вылетели рано. Впереди три промежуточные посадки с дозаправкой. Первая посадка — в провинции Цзянси, аэродром Цзиань. Это один из районов Китая, освобож-

денных частями китайской Красной Армии, переименованными теперь в 4-ю Национально-революционную армию.

Теплота встречи, оказанной нам молодежью в Цзянси, говорила о том, что не забыты времена Северного похода Национально-революционной армии и Великого похода стотысячной Красной Армии (теперь 8-я армия) на северо-запад из Цзянси в Шаньси в 1934—1936 годах.

Девушки и парни с приветливыми лицами южан, в юнгштурмовках комсомольцев 20-х годов, приветствовали нас русскими революционными песнями, заботились о нас, старались предупреждать наши желания, но мы спешили. Заправка окончена — и в путь. Придерживаясь русла реки Ганьцзян, пробивавшейся сквозь Южно-Китайские горы на север, мы летели к ее истокам на юг. Последний этап. Пересекаем 30-ю параллель.

Тропик Рака. Впереди Кантон — колыбель китайской революции. Взгляд влево. Восточный пригород Кантона. Вдали, в пурпурных лучах заходящего солнца, — зеленый холм с сооружением на вершине. Постройка с приподнятой по углам кровлей одновременно напоминала и мавзолей и пагоду. Это Хуанхуаган (Холм желтых цветов). Там погребены семьдесят два из ста тридцати «отчаянных» — героев апрельского вооруженного восстания 1911 года.

Мысль невольно переносится к берегам Янцзы, где эти же лучи озаряют Пурпурные холмы у Нанкина, где высится мавзолей Сунь Ят-сена и шестьсот ступеней к нему.

Солнце упало на горизонт. День угасал. Быстро сгустились сумерки. Вот и Кантон.

Садились почти в темноте. По аэродрому разбросаны большие толстые трубы — строители прокладывали дренаж. Все самолеты сели. Китайские и русские летчики стояли группой, ожидая автобуса. Луна еще не взошла. Темнота обратилась в черноту, как это бывает перед восходом луны. Пряный воздух тропиков густ и напоен ароматами. Тихо переговаривались. Благовещенский, командир группы «ласточек», чертыхался:

— Чертовы аэродромщики! Понакидали по всему полю труб. Чуть не обломал ноги своей «ласточке» на посадке. Хорошо, рассмотрел в самый последний момент.

Закуривали из общей кем-то предложенной круглой банки, похожей на консервную, сигареты немецкой фабрики в Китае «Гольден Тигер» («Золотой тигр»). Я потянулся третьим к зажженной спичке. Стоявший рядом летчик-китаец сильно дунул на пламя и вполне серьезно добавил:

— «Пухо» («Нехорошо»).

Переводчик объяснил: «Дурная примета прикуривать третьим. Убьют».

Как живучи суеверия! Это обошло все континенты земного шара. Из прошлого века из Южной Африки от тропика Козерога пришло в Кантон к тропику Рака.

«Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне», —

слова песни, обошедшей тогда весь мир. Героическая борьба буров против колонизаторов-англичан. Ночные снайперы-буры. Спичка зажжена, первый англичанин прикуривает — бур поднял винтовку; второй прикуривает — бур целится; третий — бур выстрелил.

Подошел автобус. Уехали ужинать, отдыхать.

Часа четыре спустя раздался вой сирены. В призрачном колдовском свете полной луны на небе появились мрачные тени бомбардировщиков. На аэродром посыпались бомбы.

Пока истребители добрались в Кантон, агентурная разведка японцев уже сработала. Наш удар противник решил предупредить ночным ударом по аэродрому. Потери от этого налета были незначительны: повреждена одна «ласточка» да несколько осколков пробило обшивку плоскостей моего «чижа». Он не вышел из строя. Воронки от бомб расторопные рабочие заделали тут же.

Утром следующего дня, в предрассветных сумерках, подвесив 25-килограммовые бомбы, мы взлетели и взяли курс на Макао. Японцы захватили маленький китайский островок вблизи Макао, посадили там свою авиацию и оттуда производили налеты на Кантон. Через полчаса подходим к цели. Под нами Южно-Китайское море. Хорошо видно побережье Тихого океана. Весь торговый флот, включая джонки и сампаны, сбился в нейтральном порту Макао, отнятом у китайцев Португалией еще в 1517 году.

У островка — нашей цели — на рейде стоял японский крейсер и непрерывно посылал снаряд за снарядом навстречу приближающейся группе самолетов.

Перестроились в правый пеленг*, и один за другим в пике в атаку по аэродрому. Но целей не было. Аэродром пуст. Японцы вывели самолеты из-под удара на Тайвань. Зато зенитный обстрел был жесток. Аэродром вытянулся с юго-запада на северо-восток в распадке между двумя хребтами; с этих гор японцы вели огонь по атакующим самолетам. На втором заходе бросили свои бомбы на крейсер. Но что сделаешь этой стальной коробке 25-килограммовыми бомбами?! Обстрелял мотоциклиста, мчавшегося по лётному полю.

Делать здесь было нечего. Собираясь на маршруте, пошли домой.

Японцы притихли. Налетов в эти дни на Кантон не предпринимали. Тревожило теперь другое: что в Ханькоу? Что в Наньчане? Долго засиживаться здесь нельзя. Оставили часть сил на усиление ПВО и тем же путем возвратились в Наньчан на аэродром базирования.

...Противник ценой больших потерь упорно продвигался к сердцу Центрального Китая — Уханю с двух направлений: с севера вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги и с востока вверх по Янцзы от Нанкина.

Японцы подходили к восточному берегу озера Поянху. Пал Цзюцзян — родина китайского фарфора. Воздушные бои становились более частыми, продолжительными, ожесточенными. Противник расширял и приближал к линии фронта аэродромную сеть. С отходом войск сеть наших постов ВНОС сокращалась. Сокращалось и время с момента оповещения до вылета по тревоге. Радиолокационного наблюдения, обнаружения тогда не было и в помине. Летчики были заняты утомительным дежурством, находились в готовности номер один, сидя в самолетах под палящими лучами июльского солнца и прикрывая головы планшетами. И эта мера не уберегла.

В годовщину начала войны, 7 июля, мы попали в тяжелые условия боя. Накануне мой ведущий Костя Опасов возвратился из Ханькоу. Ему поставили новый мотор и крупнокалиберный пулемет «кольт» в придачу к четырем ПВ-1**.

— Ну теперь дам я им прикурить!

* Порядок построения самолетов один за другим уступом вправо.

** Пулемет системы «Максим», только установленный на самолете.

Он был жизнерадостен и весел, как всегда, наш «рикша».

Во второй половине дня после обеда в кабине от жары и сытости клонило ко сну. И вдруг дремоту смахнуло, как утренний туман. Выла сирена. На командной вышке взвились разом все сигналы: и на готовность, и на запуск моторов, и на вылет. Оглянулся назад. Далеко-далеко в мареве нагретого воздуха на востоке угадывались черточки большой группы бомбардировщиков. Взлетали все и вдруг, на пересекающихся курсах — и «катюши», и «ласточки», и «чижи». Наш левый — Женя Владимиров замешкался со взлетом: сразу не забрал мотор.

Сбор на первом развороте получился растянутым. Взгляд вправо на аэродром. Густой черный столб дыма вонзался в небо: попадание в бензохранилище. Японские бомбардировщики уходили от аэродрома по реке Ганьцзян к озеру Поянху. Группа «ласточек» гналась за ними справа. Костя Опасов во всю мощь нового мотора стремился тоже догнать противника, постепенно отрываясь от меня.

Вот воды обширного, до самой Янцзы, озера Поянху. Уже идет свалка. Вывалился из строя один, другой японец. Крутой спиралью снижается третий. Его добивают две «ласточки» и «чиж». Скорее угадываю, чем опознаю: это Костя. Бомбардировщики на повышенной скорости уходят на свою территорию. Дальнейшее преследование теряет смысл.

...Нет! Это не все! Не могли бомбардировщики прийти без истребителей. Где же они?

Навстречу, из боя, — одинокая «ласточка». Глубокие покачивания с крыла на крыло, и она становится справа, уравнивая скорости. Борис Бородай. Идет к аэродрому парой. А вот еще и «чиж». Этот без приглашения построился слева — Соловьев. Теперь уже лучше, чем одному. Звеном влетаем выше — на 4500 метров. Глаза ищут. Ищут и рыщут по всей небесной сфере. Голова, как на шарнире. Есть!

Слева впереди значительно ниже нас несколько японских истребителей гоняли двух несчастных «чижей». Один самолет горел и пылающим факелом шел к земле. Установить его принадлежность было невозможно. Наклонив самолет в сторону, показал ведомым намерение атаковать. Солнце справа. В пике. Засвистел ветер, за-

пели стальные расчалки между плоскостями, как туго натянутые струны. Скоростная «ласточка» зализанных аэродинамических форм обогнала меня на пикировании, и уже Борис зажег японца с первой внезапной атаки. Нас заметили. Два японских самолета лезли на меня на предельном угле набора, когда самолет еще способен набирать высоту.

Смотреть, что делалось в нижнем ярусе, не хватало времени. Мне приходилось туго. Вокруг «чижа» вертелись уже четверо. Бесперывные атаки, трассы пулеметных очередей. Еле успеваю уносить хвост от атак сзади. Бой стараюсь вести на встречных курсах.

Измотанный, в предельном напряжении, готов столкнуться. Но японцы этого не хотят. Своевременно выходят из лобовой атаки. Для них я обреченный. Их несколько на одного. Атакуют и на встречных, и на попутных курсах, и сверху, и снизу.

Длинная очередь сзади слева прошила моего «чижа», ушла в мотор. За очередью легкая боль в руке и ноге. Кабина наполнилась дымом. Мысль — зажгли! Атаковавший японец проскочил подо мной вперед и успел еще, оскалив зубы, оглянуться.

Мгновенным переворотом свалил «чижа» в отвесное пикирование и, удерживая его управлением в этом положении, быстро шел к земле. Уже на пикировании заметил, что дым и запах гари исчезли. Вывел в горизонтальный полет у самой земли. Плавно даю газ. Мотор успокаивающе зарокотал привычную ровную песню. Вокруг в ясном небе спокойно. Как будто ничего и не было.

Стрелки часов подбирались к шестнадцати. На бреющем полете аэродром проскочил восточнее и вышел на контрольно-пропускной пункт. Там лежал сигнал:

— Всем садиться на запасные аэродромы!

Для «чижей» запасный аэродром — Тэнсу. Это всего двадцать минут полета на юг. Сел. На стоянке «чиж», прилетевший до меня. По номеру определяю: Антон Губенко.

В предыдущем бою его «ласточку» зажгли. Он тяжким прыжком с парашютом ушел от преследователей. В этот бой водил группу «чижей»: исправных «ласточек» на замену не оказалось. Подошел переводчик китаец Мэн:

— Мистер Левада! У вас на ноге кровь.

Закатал штанину. Английской булавкой выковырнул маленький осколочек от разрывной пули. Забинтовал индивидуальным пакетом. Саднило левый локоть — пулевой ожог. Обошел самолет. Бедный мой «чиженька»! Досталось тебе в этот раз. Руль поворотов держался на одном шарнире и тросах. В левом боку у кабины зияла дыра от разрывной. На бронеспинке — кляксы от сплюснутых пуль. От лобовых атак пробойны в центроплане, плоскостях; побиты ребра воздушного охлаждения цилиндров...

— Ну ничего! Жить будешь.

На КП сидел Губенко и накручивал ручку телефона, собирая сведения, кто, где и как.

Ко мне:

— Трудный бой?

— Трудный.

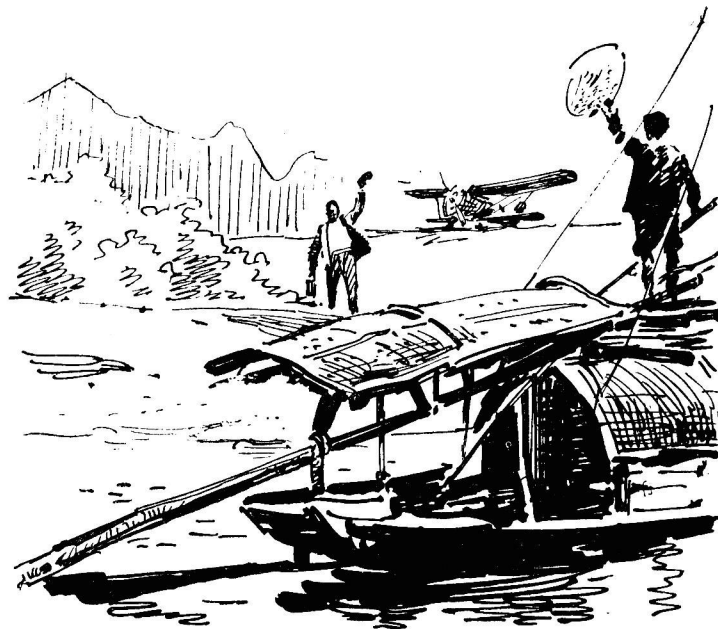
— Я тоже считаю, что трудный. Вот не докричусь ни до кого. Помолчал:

— Костя Опасов над озером выпрыгнул. Зря рано раскрыл парашют. Возле вертелись японцы. Наверно, убили.

После сбора донесений и проверки поступивших сведений стало известно, что сбиты четыре японских бомбардировщика и шесть истребителей. Наши потери — семь самолетов. Погиб Женя Сухоруков, раненым сел на аэродром Ровнин, выпрыгнул Гридин, скапотировал на рисовом поле на подбитом «чиже» Женя Владимиров. Сбиты были три китайских летчика.

На третий день рыбаки выловили в Поянху труп Кости Опасова.

Да, бой был трудным. В этот раз японцы, по-видимому, применили чисто самурайскую «тактику» (тактику харакири — насолить врагу, выпустив себе кишки), если только это не было случайной ошибкой: без прикрытия пустили вперед бомбардировщики, а истребители пришли позднее компактной группой в надежде рассчитаться с нами. Итоги боя показали, что в полной мере им это не удалось.

Глава 5

Запасной аэродром Тэнсу стал действующим для группы «чижей». Ко мне в звено пришли два летчика из пополнения: Михайлов и Глебов. В полдень 11 июля группа возвращалась из боевого вылета. Вылет несложный. Усталости не было. Но жарко. Хотелось пить. Воображение рисовало душ и бутылку холодного пива. Звено шло правым замыкающим. С двух тысяч метров уже виден железнодорожный мост через реку, а за рекой угадывался аэродром...

И тут все полетело к черту.

Снизу из-под приборной доски вырвался сноп пламени. Обожгло ноги, руки, лицо. С принижением (не

столкнуться бы с ведомым) шарахнулся из строя вправо. Локтем выбил боковую дверцу кабины, отстегнул привязные ремни и дал руки на переворот. Самолет стал на ребро, левым крылом к земле, правым — в небо, замер. Нога! Ноги, убегая от пламени, бросили педали. До отказа сунул левую педаль и отдал ручку от себя. «Чиж» послушно лег на спину, на какое-то мгновение завис в этом положении, и я вывалился из кабины. Небольшая затяжка (уйти от самолета), за кольцо, рывок. Над головой шелковый купол. Несколько впереди в отвесном пикировании меня обгонял самолет. У мотора золотой венчик пламени, за хвостом длинный шлейф черного дыма.

— «Чижик!» «Чижик!» Недолго ты прожил после 7 июля.

Подо мной сопки в густых зарослях бамбука. А вот распадка с посевами. Не проскочить бы: ветерок сносит. На всю длину руки от головы до бедра вытянул с одной стороны стропы. Купол принял уродливую форму, и земля стала набегать быстрее. Отпустил стропы. Мягкое приземление. Огороды. Ведомые Михайлов и Глебов выжили над местом приземления. Махнул им в сторону аэродрома. Поняли, ушли. Метрах в тридцати высокий китаец-крестьянин поспешно отвязывал буйвола от одиноко стоявшего дерева, не спуская с меня глаз. У него ничего не получалось. Двинулся к нему. Он бросил буйвола, готовый бежать. Уйдет!

Выхватил из кармана охранную грамоту на тонком белом шелку с иероглифами, с красочным изображением национального китайского флага. Распластав ее на ладони в поднятой руке, показал издали. Китаец остановился. Осторожно и робко начал приближаться. Жестами показываю: мне нужен телефон. Последовало понятное и мне: «Дун, дун» («понимаю»). Уже вблизи установился на изображение флага. Он был неграмотен, но понял главное. Помог собрать парашют. Вскинул его себе на плечи, зашагали по тропинке — он впереди, я сзади. Тропинка, еще более сузившись, вывела нас в рисовые поля. С окрестных полей бежали к нам мужчины и женщины с мотыгами и палками, с озлобленными лицами и криком понятным и неприятным: «джапен, джапен».

На китайца я, конечно, похож был мало. Серый клетчатый костюм, тапочки на босу ногу, русые волосы.

Шлем с очками в руке. Мой проводник громко и часто-часто что-то говорил.

Процессия росла, вытягивалась на тропинке все больше и больше. Приблизительно через час вошли в большую деревню.

У маленького аккуратного домика под навесом стояли ряды скамеек, классная доска, большие счеты. Школа. На крыльцо вышел седой худощавый китаец с приятным лицом во всем белом. Толпа заполнила двор и в уважительном молчании смотрела на учителя. Он неторопливым движением взял грамоту, пробежал глазами, прочитал вслух. По толпе прокатился гул одобрения, лица засветились улыбками. В грамоте было написано примерно следующее: «Русский советский летчик-доброволец помогает Китаю в национально-освободительной войне против японских захватчиков. Местной администрации и населению надлежит оказывать содействие летчику-добровольцу».

Жестом старик учитель пригласил войти в дом. Изучающим взглядом посмотрел в лицо, на руки, на ноги; что-то сказал за занавеску в соседнюю комнату. Оттуда передали плоскую жестянку. Старик осторожными движениями рук наложил на места ожогов желтоватую пасту. Боль стала утихать.

Очень хотелось пить. Выразил это желание жестами. Другой китаец, в обычной одежде из синей легкой ткани, выбежал за дверь и через несколько минут осторожно с поклоном поставил передо мной большую фарфоровую чашку. Жадный глоток. Дыхание перехватило. Глаза полезли на лоб... Ханжа! — рисовая водка, по крепости близкая к спирту.

Учитель укоризненно посмотрел на угостившего меня китайца. Сердито буркнул что-то. Громко крикнул к занавеске. Оттуда передали кружку холодной воды.

Достал листок бумаги и карандаш. Показал на карту Китая, висевшую на стене, и на бумагу. Понятно.

Я быстро набросал схему района, подчеркнул Наньчан, стрелкой показал, что мне надо туда.

На стене висел телефон допотопного типа фирмы Эриксон и К^о. Около получаса продолжалось установление связи.

Пока рассматривал комнату. Скромное убранство. Никаких украшений. Мебель грубая, самая необходимая:

стол, табуретки. На стене кроме карты Китая — литографии портретов Сун Ят-сена и Ленина.

Телефон умолк. На пороге показались два китайца. Один в армейской форме песочного цвета с винтовкой, другой — кúли в коротких узких штанах, рубаше и плетеной шляпе зонтом. Третий китаец — у крыльца — держал в поводу оседланного конька.

Старик учитель пытался заговорить со мной по-английски, но у меня в запасе не было и десятка английских слов. Никогда его не изучал и все время сожалел об этом, находясь за пределами Родины.

Мне, потерявшему крылья, предлагали на несколько часов стать кавалеристом. Как мог, отклонил эту заботу и внимание — больше потому, что кули с моим парашютом и охрана должны были следовать пешком. Показалось, конек при этом довольно ухмылялся, подмигивая мне глазом, благодарно помахивал хвостом.

Жара спадала. Мы шли на восток. Впереди кули-проводник с парашютом за плечами, за ним я, и замыкал шествие солдат с винтовкой на-ремень.

Солнце светило в спину уже не обжигающими лучами. Два часа без привала. Показалось селение с разбросанными в беспорядке хижинами. У крайней ближайшей фанзы остановились. Старая китаянка в синих узких штанах и такой же кофте вышла навстречу. Волосы с обильной сединой закручены на голове в пучок. Провела под навес. Удалилась, покачиваясь на крохотных ножках, изуродованных бинтованием в детстве.

Возвратилась с тремя чашечками бледного зеленого чая на подносе и закопченным до черноты котелком. Все поставила на стол. Палочками, употребляемыми в Китае повсеместно как столовый прибор, ловко доставала из котелка по одному распаренному душистому листику чая и клала в каждую чашку. С поклонами, приседаниями просила отведать.

Проводник, на редкость разговорчивый парень, без умолку «стучал язычком». Китаянка слушала, опершись на столб навеса.

Пора! Пока шли селением, нас сопровождали, оживленно переговариваясь, чуть ли не все крестьяне: больше старики и дети.

Вечер. Выходила луна. Идти стало легче. Восемь часов тропинками рисовых полей, рощами, селениями до-

бирались до маленького городка Хукоу. Переправились через реку Ганьцзян, и меня сдали гостеприимному мэру этого городка.

Ужин с холодным пивом. Короткий сон. Утром пришла машина из Наньчана. Любезный хозяин на прощание попросил автограф. Размашисто вывел в альбоме — Левада.

...В Наньчане потянулись скучные дни. Тоскливо сидеть целыми днями в литише, когда все с рассвета до темноты на аэродроме. День, другой, третий...

В один из дней нас оказалось двое. Благовещенского отзывали, и он собирался уезжать. Я еще менял кожу: места ожогов затягивались розовой пленкой.

Часов в одиннадцать завывала сирена. Вся прислуга укрылась в убежище. Нас же профессиональный интерес выгнал на крыльцо. Благовещенский улегся на спине одного из двух каменных чудовищ, охранявших вход в здание. Отдаленно они напоминали обязательных львов при дворцах графа Воронцова.

Мы наблюдали за перипетиями боя над Наньчаном. Внезапно один из японских самолетов отделился от группы и в крутом пикировании со свистом помчался на здание.

— Подрывай! — крикнул Благовещенский.

Со спины каменного изваяния его как ветром сдуло за угол дома. Не отстал и я.

По мраморным ступеням застучали пули. Осатаневшему японцу взбрело в голову атаковать нашу резиденцию. Нет обиднее положения, когда не можешь ответить ударом на удар.

Утром за завтраком я вновь обрел крылья. Командир группы Николаенко спросил:

— Как самочувствие?

— Вполне нормальное.

— Летать можете?

— Конечно, да.

— Заболел в Гаоане Слуцков. Его несут на носилках. Сегодня идет попутная машина. Вас доставят в Шангао, у мэрии встретят и проводят на пристань. По реке доберетесь в Гаоань. На самолете Слуцкого перелетите в Тэнсу. Примете в свое командование группу. Там командира нет.

— Слушаюсь.

Сам подумал: «Ну, Кашей бессмертный (так окрестили меня товарищи после пожара), теперь держись! Забот хватит».

Командира эскадрильи, о котором шла речь, я знал мало. Кажется, фамилия его была Лысенко. Прибыл он уже после боя 7 июля из-под Ленинграда. Погиб позднее.

В критические дни Ханькоу Лысенко, Орлов и другие прикрывали город ночью от налетов бомбардировщиков. А тогда, накануне моего назначения, когда мы с Благовещенским наблюдали бой над Наньчаном, он был сбит. Часа через два пришел в литише грязный, мокрый, с перекинутым через плечо парашютом.

Отплываваясь от бензина — бак у него был изрешечен, — и от воды — попал с парашютом в реку, изрыгая ругательства, он постепенно остывал от схватки с самураями. Был он не молод, с сильно поредевшими волосами и залысинами. После этого боя получил другое назначение и в эскадрилью не возвратился.

Уже во второй половине дня китайская джонка с почти прямоугольным в заплатах парусом влекла меня речной гладью вниз по течению. У многих китайцев, живущих в бассейнах крупных рек, вся жизнь с рождения до смерти проходит на воде. Джонка — и орудие труда, и средство к существованию, и жилище. Кормит река.

Приходилось наблюдать бытовые сценки. Молодая пара после бракосочетания направляется к джонке, своему жилищу. По пути шествия с шипением, треском, оглушительными хлопками скачут, взрываются бумажные пакеты — шутихи — пиротехническая выдумка, древняя, как сам Китай. Или другое. Из каюты суденышка, боязливо озираясь, с новорожденным на руках, наглухо закутанным от посторонних глаз в черную материю, по мосткам пробирается отец. И опять треск и взрыв хлопшек. Это ритуал, основанный на суеверии: взрывы хлопшек отгоняют злых духов.

Сейчас китаец-лодочник промерял фарватер, погружая в воду длинный бамбуковый шест. Ушел.

На носу джонки сидел баклан с кольцом на шее. Он повернул голову, склонил ее набок, изучающе посмотрел на меня своим круглым глазом. Найдя, что объект не заслуживает внимания, отвернулся и продолжал смотреть вперед в воду. «Впередсмотрящий» — пришло в голову флотское сравнение.

Но вот он насторожился, расправил крылья и, будто выстрелив в небесную синь, взлетел. Классический вираж, падение камнем в воду — и он уже на палубе с крупной рыбой в клюве. Из каюты вышла китайка, взяла у баклана добычу, взамен бросила мелкую рыбешку, проглоченную им мгновенно. Это помощник в трудной жизни, кормилец, почти член семьи.

Показалась знакомая лужайка. Джонка шла к берегу. Отмель. Выпрыгнул в воду. Помахал лодочнику беретом. В ответ он снял шляпу.

На зеленой лужайке одиноко стоял самолет Алеши Слуцкого. Под крылом в тени спал техник. Разбудил его. Обрадованный моим появлением, он тут же начал готовить самолет к полету.

Переночевав, взлетел на утренней зорьке. Клоchy тумана стлались по низинам. Круг над площадкой. На глаз — высота около тысячи метров. Проверяю. Что за наваждение?! Высотомер показывает три. Пригляделся. Фу, дьявольщина! Английский высотомер, в футах. Очевидно, при ремонте за неимением отечественного поставили иностранный. Ладно, и этот сойдет. А ну, «чижик» незнакомый, как ты в «бочке» крутишься? Левая, правая. Хорошо. Курс на Тэнсу. Непродолжительный полет. Посадка. В отряде за время моего отсутствия произошли изменения: в него включили сstatки сиоганьской группы китайцев-летчиков.

Переводчик Мэн конфиденциально поспешил поделиться новостью:

— Мистер Левада! Летчики говорят, новый начальник прилетает — Кашей бессмертный. Почему так говорят? Что такое Кашей? И почему бессмертный?

Объясняю, не вдаваясь в детали:

— Кашей — это персонаж из русских сказок. Худой такой человек. Вот, как я. А бессмертный... бессмертный? Это, наверно, пожелание Кашею многих лет жизни.

Да будет так!

...День за днем текли аэродромные будни с тревогами, заботами, вылетами. Препятствия на подходах к небольшому лётному полю усложняли взлеты и посадки самолетов. На северной границе торчал бугор.

Попросил местную администрацию убрать это препятствие. На следующий день землекопы разбрасывали его и в корзинах выносили землю за пределы поля. Рабо-

тали сноровисто, быстро. И вдруг ритм нарушился. В доносившемся шуме различались отдельные выкрики. Подошел.

В развороченном бугре лежала полутораметровая красноватого цвета змея, корчившаяся в агонии от удара лопаты. Над ней стояли два китайца и что-то друг другу кричали. Обращаюсь к переводчику:

— Почему они кричат? Змея кого-нибудь укусила?

— Нет. Они ее хотят кусать.

Поправился:

— Кушать. Это деликатес. В лучших китайских ресторанах готовят дорогое блюдо «драка тигра с драконом».

— Ну, допустим, дракон — понятно. Змея за дракона вполне сойдет. А кто же в этой драке тигр?

— Кошка, мистер Левада. Хорошая жирная кошка.

В китайских ресторанах бывать не приходилось. Деликатесов китайской кухни не пробовал. Объяснения принял на веру. А может быть, пожилой китаец-переводчик Мэн, долго живший в Благовещенске Амурской области, на уклончивые, туманные объяснения «Кашея бессмертного» подал мне взаимно экзотический туман — «драку тигра с драконом»?

...Джапен! — раздался крик дозорного с наблюдательной вышки.

— К запуску! — Все пришло в движение.

— И... э... са! * — растягивая концы резинового шнура-амортизатора с петлей, наброшенной на лопасть винта, громко подсчитывают кули.

— Контакт!

Винт с силой провернулся, и... мотор не забрал.

Летчик в ярости колотит кулаком по борту кабины. Летят крепко соленые словечки. Затем команда:

— Повторить!

Всё сначала. И... э... са! — Мотор вздохнул, чихнул и заработал.

Высоко над аэродромом японский истребитель делает круг, видит взлетающие самолеты и уходит.

«Пещерный» способ запуска! Наверно, поэтому технику окрестили его «обезьянкой». Прибегать к запуску

* И, эр, с а нь — раз, два, три. При подсчете ритма в движении произносятся сокращенно.

«обезьянкой» приходилось по нужде, при разряженных самолетных аккумуляторах.

С приближением линии фронта нужд появлялось все больше, а сложность обстановки и вылетов возрастала. Японцы аэродром в Чанша засекли и наведываться стали часто, днем и ночью.

На ночевки уходили теперь южнее, в Цзиань. Нередко вылеты приходилось производить «по-зрячему». Для обнаружения противника в воздухе выставляли свой наблюдательный пост.

Назревала необходимость перебазирования. Распоряжение об этом не заставило ждать. Сиоганцев отозвали на новое формирование. Из китайцев оставался летчик Хуан.

Итак, отряду приказано перелететь в Коань — место весенних ночевок. Сборы недолгие: полетели, сели. Место знакомое, а деревня опустела — население покидало насиженные места, уходило на запад, в горы. Не видно и моих приятельниц, двух девочек-китайок.

Август. Вот-вот падет Наньчан. Не много дней минуло, как вновь вечером Николаенко позвонил по телефону:

— С рассветом всеми исправными самолетами перелететь в Ханькоу.

Взлетали рано утром пятеркой. Один на разбеге прекратил взлет. Прощальный круг над площадкой, и на маршрут.

Уплывают назад поля, рощи. Впереди показались горы. Хребет высотой три тысячи метров вытянулся на восток. Вершины закрыты тучами. Кучевые облака белыми шапками уходят ввысь. Зигзаги молний разрывают тучи. Гроза. Хорошего мало. Возвращаться нельзя: наземное обеспечение после вылета ушло. Пробивать грозу — безумство. Обходить с востока на Цзюцзян и по Янцзы к Ханькоу — это лететь в пасть японцам. Да и горючего хватит ли? Остается юго-запад, Чанша — центр провинции Хунань. Там аэродром. Курс с карты — на глаз. Расчет времени и горючего — в уме. Левый разворот, ведомые прижались ближе, и уже гроза и хребет справа сзади.

Время на исходе, горючее тоже. Чанша не вижу. В душу заползает сомнение. Пока есть бензин, выбрать что-нибудь подходящее и садиться.

Речка дугой. Корявенькая площадка на берегу. Шалаш рыбаков у речки. Сажусь!

На пробеге выключил мотор. Пробег заканчивается. Впереди песчаная отмель, дальше вода.

Песок! «Чиж» пошел на нос. Постоял нерешительно на моторе хвостом в небо, как бы спрашивая: «Что прикажешь делать дальше?» И, не получив ответа, лег на спину вверх лапками.

Отстегнул привязные ремни. Вывалился из кабины головой вниз, мешком на землю. Подбежали двое рыбаков. Навстречу им одно слово: «Чанша?»

Две руки вытянулись по маршруту нашего полета.

В шалаш! Схватил какие-то белые холсты, и стрела из полотнищ легла в направлении цели полета. Двое ведомых ушли, а Хуан садится! «Чиж» Хуана, споткнувшись о кочку на пробеге, ткнулся винтом в землю и остался в таком положении.

Рыбаки перевезли нас на другой берег. Провели к недалеко стоявшему жилищу легкой постройкой. Одолевал сон. Крепко заснул на широкой скамье под навесом.

Спал недолго. Открыл глаза, сел. Хуан о чем-то говорил с китайцами. Он уже успел разрядить пулеметы и слить бензин. Подошли к дому два рослых парня с паланкином. На двух бамбуковых жердях укреплено сиденье с тентом и боковыми занавесками. Такой экипаж встречался в Китае в гористых районах страны, где почти не было дорог. Я удивленно посмотрел на Хуана. Он меня понял. Несколько отрывистых слов — и паланкин удалился без седока.

Мы вскинули парашюты за плечи и зашагали. Через час были на дороге у автобуса, которым за тридцать минут прибыли на аэродром Чанша.

Вторая пара благополучно села севернее аэродрома, на островке судоходной реки Сянцзян. Бензин израсходован полностью, моторы остановились, но уже на земле.

Поломки двух «Чижей» были незначительны. Вскоре мы присоединились к основной группе, действовавшей в Ханькоу.

Ханькоу стал фронтовым городом. В его жизни произошли большие изменения. Торговля замирала. Многие фирмы закрывались. Порт работал в одном направлении: вверх по Янцзы. На улицах стало меньше рикш, меньше

гражданского транспорта, увеличился поток военных машин, чаще завывали сирены тревог.

Истребители вели напряженные бои с численно превосходящей авиацией противника. В памяти остался один бой, когда 40 китайских истребителей дрались со 120 самолетами японцев. Запомнился редкий, неповторимый случай в этом бою.

Замечено было, как один самолет И-15-бис в беспрерывных петлях одна за другой постепенно снижался. Выход из последней петли совпал с поверхностью земли; удар винтом и шасси — о землю, самолет немного прополз на фюзеляже.

Когда к самолету подбежали люди, они увидели: в кабине сидит крепко привязанный летчик с поникшей головой, левая рука застыла на секторе управления газом, правая рука сжимает ручку управления рулями, ноги на педалях, в груди шесть пулевых ран. Это был Ванюшка Гуров.

* * *

Япония стремилась к захвату Уханя — промышленно-го, экономического, административного центра.

Правительство Китая эвакуировалось в Чунцин — туда, где в горных теснинах пробивает путь к океану могучая река Янцзыцзян.

...Наша группа перелетела в Ичан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осень — пора хризантем. Их много в Китае, так же как и в Японии. Октябрь был на исходе. Пал Кантон, оставлен Ухань. Заканчивался первый этап войны — этап стратегической обороны. Война вступала во второй этап — стратегического равновесия сил.

Помощь Китаю от Советского Союза продолжала поступать. Прибывали и новые добровольцы.

Наша группа возвращалась на Родину. Возвращались далеко не все: китайская земля приняла останки храбрецов.

Живые, опаленные огнем сражений, понесли свое умение в степи Монголии, к берегам Халхин-Гола, где вновь скрестили пулеметные трассы с самураями в воздушных боях.

Добровольцы Испании, добровольцы Китая, бойцы Халхин-Гола — летчики! Война для вас началась много раньше двадцать второго июня сорок первого, и много раньше сиротели ваши семьи. Пусть же знают все, как жили, сражались, побеждали эти рыцари неба.

Вот Гриша Кравченко. Из Китая он возвратился майором и Героем. В Монголии стал дважды Героем. Большую войну начал генерал-лейтенантом.

И надо же было такому случиться! Его сбили в одном из тяжелых воздушных боев в сорок втором. Он выбросился с парашютом. Парашют не раскрылся. Генерал упал в расположении своих войск. Бойцы пехоты подобрали авиационного генерала. В руке крепко зажато кольцо с обрывком тросика: вражеская пуля перебила тросик, запирающий своими шпильками ранец парашюта.

Так погиб Гриша Кравченко. Он был всегда и прежде всего воздушным бойцом, а потом уж генералом, искал боя, шел в бой. Это не специфика рода войск — истребительная авиация, а душевный склад, личные качества человека и воина.

Большой пожар мировой войны занялся от малых, «очаговых» войн и охватил земной шар. Фашизм Германии, Италии, Японии толкал человечество в бездну. Напряжением всех сил антифашистского блока эта опасность была устранена. Страна Советов — первая социалистическая — объединила и возглавила прогрессивные силы в борьбе с фашизмом.

Не устоял фашизм гитлеровской Германии. Разгромлена Квантунская армия в Маньчжурии. Капитулировала императорская Япония. Это был финал и восьмилетней национально-освободительной войны Китая.

Третий стратегический этап — наступление китайских войск и разгром японского империализма — оказался самым коротким.

...Бежит время, течет время. Уходят годы, десятилетия...

Перепаханы и заросли траншеи, окопы на полях бывших сражений. Редко где встретишь ржавую колючую проволоку. Стираются в памяти страдания людей и события военных лет. Но ты, человек, не забывай прошлого — оно учитель будущего!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вместо предисловия	3
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	41
Заключение	52

Николай Григорьевич Козлов

В НЕБЕ КИТАЯ

Воспоминания летчика

Утверждено к печати

*Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *О. С. Ривкина*

Художник *И. И. Пчелко*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *М. А. Полуян*

Корректоры *А. Ю. Давыдова-Бушуева и Г. В. Стругова*

*

Сдано в набор 9/II 1966 г.

Подписано к печати 18/V 1966 г.

А-01489. Формат 84×108¹/₃₂

Печ. л. 1,75. Уч.-изд. л. 2,46. Усл. п. л. 2,94.

Тираж 15 000 экз. Изд. № 1585

Зак. № 303 Индекс $\frac{1-6-3}{85-66}$

Цена 13 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»

Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4